

Микуленок Ю.А.,
аспирант Кубанского государственного
университета
(Краснодар)

УДК 316.7

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МИР СУПРУГОВ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В РАННЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ РАБОЧИХ СЕМЕЙ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-01-00239а «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920–1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций»

Аннотация: в статье рассмотрен эмоциональный мир супругов в раннесоветский период.

Ключевые слова: история СССР, НЭП, история повседневности, история эмоций.

Mikulenok J.A.,
graduate student,
Kuban State University in Krasnodar

CONJOINTS'S EMOTIONAL WORLD OF PROVINCIAL TOWN IN THE EARLY SOVIET PERIOD (FOR EXAMPLE, WORKING FAMILIES)

Summary: the listing will be reviewed by the emotional world of the spouses in the early Soviet period.

Keywords: history of the USSR, the NEP, the history of everyday life, the history of emotions.

Одной из задач, стоявших перед советской властью, было создание нового человека, безоговорочно верующего своей партией, поэтому большое внимание большевики уделяли строительству новой «советской семьи». Так в 1917 г. церковный брак был заменен гражданским, при этом браки, заключенные по религиозным обрядам до 20 декабря 1917 г., сохранили свою юридическую силу [1, с. 6]. Семейные кодексы 1918 и 1926 гг. уравнивали супругов в правах и упростили процедуру развода. Женщина приобрела право социальной защиты: право на взыскание алиментов с бывшего мужа или сожителя, на декретный отпуск и возможность произвести бесплатный аборт. Несмотря на новое семейное законодательство, женщина все еще оставалась незащищенной в семье. Кроме того, в 1920-е гг. стали нормой кратковременные и случайные связи, многоженство и половая распущенность.

Жена продолжала исполнять роль прислуги и воспитателя, терпела оскорбления, издевательства побои, пьянство и измены мужа. Например, одна из жительниц Кубанской области жаловалась на постоянные издевательства и пьянство мужа (стиль документа сохранен): «Изобьет и уйдет. Нагуляется вволю и приходит просить жить со мной, а я как женщина хотела семейной жизни и жаль было ребенка. Я мирилась. Каждый день он идет на собрания, а приходит пьяный. Бьет, ругается <...> мне знакомые говорят, что видят его с женщинами» [2, с. 218]. Неудивительно, что эмоциональный репертуар замужних женщин, представительниц рабочих профессий, в основном представлен негативными

эмоциями: обида, злость, месть, усталость, одиночество, чувство безысходности и незащищенности.

Советская женщина оказалась заложницей новой системы. Законодательно женщина получила права, но в реальной жизни они не были реализованы. Ситуация в рабочей среде осложнилась низким культурным уровнем недавних выходцев из деревни, перенесших в новые условия традиционно пренебрежительное отношение к женщине. Поэтому работница становилась жертвой мужской необузданности, грубости и издевательств значительно чаще, чем представительницы других городских слоев. В поисках простого женского счастья, которое у обывательниц ассоциировалось только с замужеством и рождением детей, женщина была вынуждена терпеть оскорбления, побои и измены мужа. Часто в заявлениях женщин в контрольные органы на своих мужей можно встретить следующие фразы: «...как женщина хотела семейной жизни, и жаль было ребенка» [3, с. 218 об.], «такая жизнь стала невыносима» [4, с. 196], «не имею никакого имущества и возможности зарабатывать, я обречена на голодную смерть» [5, с. 25 об.]. Жительница Краснодара А.З. Марченко, не имея возможности самостоятельно растить детей, была вынуждена мириться с поведением мужа (стилистика документа сохранена): «Прошу привлечь к ответственности <...> за издевательство над своей женой А. Марченко. После нашего развода около полумесяца назад он явился обратно и предложил мне сойтись. Мне пришлось согласиться, т.к. имею ребенка, которого нужно кормить и воспитывать» [6, с. 159].

Советское законодательство признало супругов равноправными, и насилие над женой считалось социально опасным действием, что могло служить поводом для привлечения к уголовной ответственности. Однако до суда доходили далеко не все дела. В умах малообразованных крестьянок и работниц бытовало мнение: «бьет – значит любит». Воспитанная в старых патриархальных традициях, женщина смиренно терпела свою судьбу. Да и воспитывать одной детей ей было проблематично. После 1920 г. женская занятость резко сократилась: демобилизованные солдаты вернулись с фронтов на свои рабочие места [7, с. 19]. В среднем уровень женской безработицы в период НЭПа составил около 45% [8, с. 27]. Зарботная плата женщины была в разы меньше, чем у мужчины-рабочего. По данным обследования заработной платы в СССР в 1924 г., средний заработок женщины составлял 64,4% от мужского [9, с. 49]. Работодатель не хотел брать женщину на работу по ряду причин: низкая квалификация труда (на сотню рабочих мужского пола приходилось 44,9% квалифицированных рабочих; а на 100 работниц – только 25% [10, с. 45]), необходимость оплачивать декретный отпуск, высокий уровень безграмотности среди женщин (около 48%) [11, с. 260].

На одном из многочисленных собраний делегатка жаловалась: «Да, хорошо говорить о разводе, но как я смогу кормить своих детей? Два кормильца лучше, чем один, если уж на то пошло. Алименты? Да, я знаю о них, но что мне с того, если я знаю, что у мужа ничего нет, чтобы платить мне» [12, с. 270]. Единственным способом не умереть с голоду оставалось продолжать жить с нелюбимым мужем. И поэтому, даже если женщина и писала заявление на своего мужа, то зачастую его забирала. Так, одна из жительниц Кубанского округа забрала свое заявление так как «погорячилась» [13, с. 7].

В 1928 г. в Нижегородском суде слушалось типичное дело (характерное не только для Центральной России, но и для юга страны) по обвинению гр. Кузоваткина в издевательстве над своей женой. Суд установил, что Кузоваткин в течение 2–3 лет всячески издевался над своей женой: систематически избивал ее и в последнее время заставлял ее под угрозой побоев иметь с ним половые сношения в извращенных формах. Кузоваткин был приговорен по 2 ч. 146 ст. и 1 ч. 153 ст. (умышленное нанесение побоев и изнасилование [14]) УК СССР к лишению свободы сроком на три года. Этот приговор был обжалован осужденным. При рассмотрении дела явилась жена осужденного и просила освободить своего мужа от вынесенной ему меры социальной защиты, ссылаясь на то, что он раскаялся [15, с. 20–21]. Истинной же причиной такого поступка Кузоваткиной была эмоциональная неподготовленность жить без мужа и экономическая неспособность содержать себя и детей.

Чтобы защитить женщину и одновременно иметь возможность контролировать личную жизнь коммунистов, при разборе очередного семейного скандала контрольные органы обращали внимание не только на поведение нерадивого мужа, но и на его политическую активность. Непосещение партийных собраний и кружков, неисполнение партийных обязанностей, просрочка оплаты членских взносов становились поводом для исключения из партии. Эти относительно мелкие партийные «грехи» зачастую скры-

вали истинные, более тяжкие причины исключения из партии и партийных взысканий. Так, коммунист А.К. Макаренко был исключен из партии не за избиение жены, а за неуплату членских взносов [16, с. 1].

Примерно такой же спектр негативных эмоций испытывали и женатые представители рабочего класса: неудовлетворенность, разочарование, ненависть, злость, апатия.

Новые жизненные реалии дали обывателю представления о полной свободе во всех сферах, в том числе и в семейно-брачных отношениях. Поэтому мужчины, которые были не удовлетворены своим браком, находили себе новую семью или заводили любовницу, или просто сбегали из семьи. Так, некая гражданка Степанова из Краснодара несколько лет разыскивала своего мужа (стилистика документа сохранена): «Мой муж Степанов сказал, что едет на операцию и таким образом бросил меня с ребенком <...> В Могилеве у него оказалась жена с ребенком. От той жены он удирал в Польшу» [17, с. 30]. Коммунист Григорович имел несколько жен в разных регионах страны. Одна из его жен, которая проживала в Кубанском округе, пишет (стилистика документа сохранена): «Но прошло 4 месяца со дня нашей свадьбы, как я получила на его имя письмо, из которого узнала – у него имеется в Белоруссии жена и сын, которые, судя по всему, не обеспечены: ребенок просит купить ему сапоги. Кроме того, его жена совершенно не знает, о том, что он женился на мне. Я ему стала нехорошей женой такой же, как и первая была, он начал пьянствовать, гулять с женщинами. Я узнала, что он живет с другой женщиной. Сейчас оставляет без средств к существованию» [18, с. 114–115]. Гражданин Венярский из Краснодара жил в одной квартире с женой и любовницей, что в свою очередь стало причиной внутрисемейных конфликтов [19, с. 23]. Своей неверности мужья находили простое оправдание: «воспитанная в старых патриархальных традициях жена чувствует отвращение к половой жизни» [20, с. 8], «старая жена не может удовлетворить».

В первое десятилетие после установления советской власти в менталитете обывателя, выходца из городской среды, изменилось понятие морали и нормы. Идеи свободы, равенства и «стакана воды» сформировали ложные идеалы. В данный период резко трансформировалось и понятие «брак». Если в дореволюционный период все было предельно ясно: законным и имеющим юридическую силу признавался только церковный брак, то после революции церковный брак утратил свою юридическую силу, законным признавался брак, зарегистрированный в органах ЗАГС, или свободные любовные отношения, в которых было общее хозяйство и дети [21, с. 18]. Отменив церковный брак, ассоциировавшийся веками в умах обывателей с моральным законом, и введя гражданский, который воспринимался только как сожительство и который еще не стал нормой, власть спровоцировала рост прелюбодеяния. Отмена церковного брака для обывателя автоматически означала аннулирование всех прежних супружеских отношений.

Таким образом, в раннесоветский период в сфере семейных отношений как мужчины, так и женщины, представители рабочего класса, испытывали пестрый спектр эмоций, но в основном это были негативные чувства: злость, неудовлетворенность, обида, усталость, одиночество.

Список использованной литературы:

1. Кодекс законов о браке, семье и опеке с постатейно-систематизированными материалами / сост. А. Генкин, С. Кишкин, А. Роднянский. М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1929.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 10. Оп. 1. Д. 60.
3. Там же.
4. Там же. Д. 67.
5. Там же. Д. 15.
6. Там же. Д. 200.
7. Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М: РОССПЭН, 2010.
8. Там же.
9. Маркус Б. Женский труд в СССР // Работница. 1925. № 4.
10. Там же.

11. Хлопкова В.М. Гендерная составляющая модернизации Северного Кавказа в 1920-е гг : изменение роли женщины // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Н.Л. Пушкаревой. Армавир, 2010.
12. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / пер. с англ. М., 2004.
13. ЦДНИКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 179.
14. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года.
15. Судебная практика. 1927. № 5.
16. ЦДНИКК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 613.
17. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 239.
18. Там же. Д. 118.
19. Там же. Д. 179.
20. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 61.
21. Гельман И. Половая жизнь современной молодежи: опыт социально-биологического обследования. М.-Л., 1923.